

Глава 1

За пять минут скандала узнаешь мужа лучше, чем за двадцать лет счастливого брака...

— Что ты мне приперла, коза тупая? — рявкнул Погодин, глядя на папку, которую ему подала блондинка в мешкообразном платье.

— Документы, Геннадий Алексеевич, — тихо ответила девушка. — Вы просили их из машины принести.

Тоном, от которого мог завянуть букет, стоявший на столе в большой вазе, наш гость произнес:

— А ну, повтори, что я тебе велел.

— Вы сказали, что вам нужны бумаги из автомобиля, — прошептала его секретарша.

— Цвет папки? — зловеще спросил Погодин.

— Ох, хотел ведь сделать имбирный чай, — засуетился Феликс. — Гена, я кладу в напиток апельсин. Ты не против?

— Можешь даже плюнуть в чашку, мне по барабану, — отрезал приятель. — Наталья, отвечай! Папку какого цвета я велел срочно доставить?

— Черного, — пролепетала блондинка.

— А какую ты сейчас мне сунула? — не успокаивался Погодин.

— Черную, — повторила помощница.

— Татьяна, разуй глаза! — заорал на нее босс. — Она темно-синяя!

Феликс прищурился.

— Гена, справедливости ради замечу, что цвет здорово смахивает на черный.

Помощница поняла, что ее пытаются защитить, и воспряла духом:

— В машине темно.

— В машине темно... — передразнил Геннадий. И расхохотался: — Это в твоих мозгах закат. Екатерина! Шагом марш за бумагами. Времени тебе — минута. Ну, отсчет пошел: раз, два...

Помощница попятилась и исчезла в коридоре.

— Ты так бедняжку запугал, что она от тебя как от иконы отходит — повернуться к тебе спиной боится, — заметил Маневин, глядя на нашего гостя.

— Вот уж не ожидала, что ты можешь по-хамски вести себя с женщиной, — неодобрительно протянула я. — И как все-таки зовут твою секретаршу — Наташа, Таня или Катя?

Гена погладил мопса Хучика, сидевшего у него на коленях, и буркнул:

— Не помню. Да какая разница? Дашенция, ты пойми, эта коза — не женщина. Конкретно говорю.

Я чуть не выронила чашку.

— А что, она мужчина? Надо же, а выглядит симпатичной девушкой.

Погодин расхохотался.

— Обожаю тебя! Нет, Елена не мужик. Но она и не баба, а сотрудница.

Я удивленно воззрилась на старинного приятеля мужа.

— Значит, получает деньги, — продолжал Погодин, — имеет соцпакет, оплачиваемый отпуск, я оплачиваю ей бюллетень. Прекрасные условия! А мне за весь этот сахар нужна от нее хорошая работа.

— Если третировать женщину, она последний ум растеряет, — заметил Феликс.

— Нельзя потерять то, чего у тебя нет, — хмыкнул Гена. — Эта овца не способна запомнить, что мне нужна именно черная папка, поэтому приносит синюю.

— Я тоже бы могла их перепутать, — сказала я. — Феликс прав, цвет у папок почти одинаковый.

— Если служащая не справляется, ее надо уволить, — подхватил Маневин, — но нельзя хамить человеку.

Геннадий стукнул по столу кулаком.

— Ха! Так ведь невозможно найти нормальную работницу. Эта Галина, или как ее там, лучшее из худшего. И на собеседовании она вела себя адекватно. Завотделом персонала доложила мне: «Наконец-то я отрыла интеллигентную столичную жительницу, которая говорит не «с Украины», а нормально по-русски «из Украины», не путает Пруса с Прустом и знает, что Моцарт не писал книг. Характеристики хорошие, диплом театрального вуза, но карьера актрисы у нее не задалась — ни в один коллектив Москвы и области ее не взяли, в кино не пригласили. Девушка окончила курсы, где готовят помощников руководителей, и служила секретарем в фирме, которая вскоре разорилась». Я обрадовался и сказал: «Ладно, вели ей одеваться как надо, пусть купит форму, и бери на испытательный срок». И вот что оказалось: девчонка все забывает. Попросишь чаю — притащит кофе. Велишь позвонить по одному телефону — набирает другой. Идиотка!

— Интересно все-таки узнать ее настоящее имя, — пробормотала я.

— Уволить это чудо дивное я пока не могу, — буркнул Геннадий, — велел кадровичке подыскать мне

другую помощницу, но вокруг одни овцы, козы и прочие животные. Умные бабы работать не хотят, они и без того хорошо живут.

— Ты не прав, — возразила я.

— Ага, ага... — Погодин прищурился и заговорил вкрадчиво: — Дарья, предлагаю тебе место моего личного референта. Оклад приличный. Соцпакет. Две недели отпуска. Рабочий день не нормирован. Выходной плавающий. Ну? Соглашайся, прямо сегодня тебя оформлю.

— Спасибо, — ответила я, — но я не нуждаюсь в службе ради заработка. Готова заниматься чем-либо из интереса бесплатно...

— Вот-вот, — перебил Гена, — об этом я и веду речь. Нормальные работать не хотят, а ненормальные меня бесят.

— Твои сотрудницы обязаны носить форму? — решил покончить со щекотливой темой Феликс.

— Те, что работают в «Парке прогресса», непременно, — ответил Погодин, — а в центральном офисе служащие ходят в гражданском. Почему ты интересуешься? А, понял... Я только что сказал, что велел отделом персонала объяснить козе, какую ей одежду носить. Поясняю! Я, Геннадий Алексеевич Погодин, владелец очень успешного бизнеса под названием «Парк прогресса», обладатель загородного дома, многокомнатной квартиры на Старом Арбате, апартаментов в Париже, толстого счета и много чего другого. Я холост. И никогда не был женат. Не имею детей, сирота. Представляете мою цену на брачном рынке? Если меня сравнить с автомобилями, то ваш покорный слуга стоит как эксклюзивный «Роллс-Ройс» из чистого золота. Поэтому девицы, которые получают ко мне доступ по работе, наряжаются в короткое

и обтягивающее. Дуры считают меня сексуально озабоченным идиотом, у которого при виде голого тела слюна капает, и я, чтобы им завладеть, кинусь покупать кольцо с бриллиантом-кирпичом. Не закапает! Не побегу! Мне не интересны кретинки. Основная эrogenная зона господина Погодина — мозг. Поэтому козам на должности секретарши положено носить широкие платья длиной за колено, с воротником под горло, цвет одежды спокойный, макияж минимальный, каблук у туфель пять сантиметров.

— Не очень логично получается, — улыбнулся Маневин. — Если тебя в прекрасной половине человечества привлекает только ум, то не должна волновать и мини-юбка сотрудницы. А если ты обращаешь внимание на вызывающую одежду и приходишь в ярость, то это означает, что ты пытаешься обуздать беса похоти.

Я посмотрела на мужа. Мы с Маневиним ни разу не поругались, и я ни разу не была свидетелем ссоры супруга с кем-либо, но сейчас в нашей столовой произошло выяснение отношений Геннадия с секретаршей, и мне стало ясно: Феликс может быть ехидным. Вот уж действительно: за пять минут скандала узнаешь мужа лучше, чем за двадцать лет счастливого брака.

— И никаких замков со стразами на макушке! — пошел в разнос Погодин. — Терпеть не могу сооружения из волос.

— Прямо монастырь, — хмыкнула я. — А как насчет платка на голову?

— На нем я не настаиваю, — серьезно ответил Гена.

— Здравсти, здрассти! — закричал противный тенор. — Кофейку сварите? Капучино! Со взбитыми сливочками!

Собака Мафи, до сих пор мирно спавшая на диване, подпрыгнула и в одно мгновение забила под него.

В нашем доме масса животных, которые хорошо знают, что они любимы. Мопс Хучик, пуделиха Черри, здоровенная лохматая Афина, кот Фолодя, ворон Гектор и другие не боятся людей, потому что никто никогда их не обижал. Нашим гостям зверье всегда радуется и надеется на угощение. Правда, все они прекрасно понимают, что, скажем, от моей ближайшей подруги, хирурга Оксаны, и ее сына, ветеринара Дениса, им ничего не перепадет. Ксюта и Ден никогда не дадут четвероногим и крылатым обитателям дома кусок колбасы или булки. Но ведь бывают у нас и другие гости. Вот, например, Зина Райкина при виде Хуча начинает сюсюкать:

— Ах, ах, у него такие голодные глазки!

И никакие мои заверения в том, что Хуч, а также все остальные животные прекрасно поели, несчастное же выражение на мордашке мопса сохраняется всегда, даже когда он, угостившись сыром, спит в пуховом одеяле, на Зину не действуют. Нет, она говорит:

— Хорошо, раз тебе жалко, что я угощу бедную собачку крошечкой плюшки, не стану этого делать.

Но едва я выйду из комнаты, допустим, на кухню, Райкина поступает по-своему. Вернувшись в столовую, я непременно вижу: вся стая облизывается и отчаянно вертит хвостами, а на столе блюдо из-под пирога пустое.

Мафи обожает всегда угощающую ее чем-нибудь Зину. Правда, она и строгих Оксану с Денисом встречает как родных. Почему же приветливая собачка мигом спряталась под диван, услышав голос Игоря,

младшего сына Зои Игнатьевны, матери моей све-
крови Глории?

Сейчас объясню. Прежде чем поселиться в Ложкине, Мафи была собакой Игоря, который сначала тренировал ее на поиск трюфелей в Подмосковье, потом обучал танцам и разным другим кунштштюкам. Он лелеял мечту разбогатеть за счет таланта псинки, строил планы, как шикарно станет жить, продавая за бешеные тысячи евро на аукционах найденные Мафушей грибы. Вот только собака не желала осваивать ни эту, ни какую другую науку. Игорь злился, наказывал беднягу, но добился лишь одного: собачка при его появлении стала прятаться. Разочаровавшись в ней, хозяин отдал ее нам. Мафи уже давно живет в Ложкине, где никто не заставляет ее добывать алмазы, копая ямы на картофельном поле. Мафуся совершенно счастлива, но как только Игорь заявляется в гости, она мигом испаряется. Думаю, боится, что Гарик ее заберет.

Честно говоря, я тоже не особенно рада визитам отпрыска Зои Игнатьевны. Чем мне не угодил дядька мужа?

Игорь постоянно фонтанирует идеями, причем он мечтает сразу получить много-много денег и без усталости придумывает, каким бы прибыльным бизнесом ему заняться. Сидеть тихо в офисе, упорно и последовательно подниматься по карьерной лестнице ему скучно. Гарик — генератор экзотических идей. Например, одна из таких — выпуск туалетной бумаги со съедобной втулкой. Отлично помню, как он излагал мне эту свою гениальную идею.

— Вот сидишь ты на унитазе... И вдруг — есть захотелось. Что делать? А тут на стене висит рулон, и у него съедобная втулка со вкусом колбасы, сыра

или макарон с мясом. Шикарная придумка! Я зарабатываю на ней миллиарды!

Я не выдержала и с издевкой предложила:

— А сама бумага должна быть с ароматом кофе, чая или лимонада. Не только поешь, но и попьешь.

Думаете, Игорь сообразил, что над ним подсмеиваются? Нет! Он восхитился:

— Дашуня, ты мигом ухватила суть и внесла мегакрутое предложение. Отлично! Значит, ты согласна?

— На что? — насторожилась я.

— Вложиться в производство, — алчно потер руки Игорь. — Вот тебе подробный бизнес-план...

И он сунул мне листок с криво выведенной фразой: «Беру пять миллионов долларов, через несколько месяцев они превращаются в двадцать, отдаю тебе долг. Будущее за съедобной втулкой». Все разговоры с Игорем заканчиваются одинаково — он просит денег, а я ему их не даю.

Глава 2

— Хорошо, что вы оба дома! — ликовал Гарик, плюхаясь на стул. — У меня для вас суперская штука.

— Нас здесь трое, — остановила я незваного гостя. — Неужели ты не заметил Геннадия?

— Привет, — не глядя на Погодина, обронил Игорь. И продолжил: — Смотрите! Вот!

Он начал рыться в своей сумке, и мне стало понятно, что любимое дитяtko Зои Игнатьевны сейчас озвучит очередное гениальное бизнес-предложение. Поэтому я попыталась помешать презентации.

— Игорь, мы заняты.

Гарик, приученный патологически любящей его мамочкой к тому, что все дела откладываются в сто-

рону, если он начинает рассказывать о каком-то своем проекте, несказанно изумился.

— Не хотите узнать, что я придумал?

— Ну.. понимаешь ли, — завел мой муж, — безусловно, твоя идея может быть великолепной...

— Нет, не желаем! — отрезала я. — Сейчас мы обсуждаем с Геной презентацию новой книги Феликса. Собираемся проводить ее в замечательном месте под названием «Парк прогресса». У господина Погодина не так уж много времени, поэтому посиди тихо. Мы поговорим, а потом слушаем тебя.

— Зря стараетесь, — махнул рукой Гарик, — ничего у вас не выйдет.

— Почему? — поинтересовался Геннадий.

— Знаете, что такое «Парк прогресса»? — снисходительно спросил Игорь.

— В некотором роде — да, — ответил Погодин, единственный основатель и хозяин образовательно-развлекательного комплекса.

— Объясняю... — занудил Гарик. — На огромной территории построены типа дома, где детям рассказывают о разных науках. Например, «Строение человека». Там есть огромный макет тела, в него можно войти и ходить по всем органам: сердце, печень и т. д. Но какое отношение к этому может иметь лабуда, написанная Феликсом?

— Надеюсь предстать перед читателями в павильоне «Антропология», — пояснил мой муж. — Моя книга о древних людях предназначена не для ученых или студентов, а для массового читателя. Я впервые обратился к жанру научно-популярной литературы.

— Ерунда, — отрезал Гарик, — даже не мечтай.

— О чем? — спросил Феликс.

— «Парк прогресса» — очень посещаемое место, — зачастил его родственник, — вообще говоря, это была моя идея создать такую зону. Но Дарья денег не дала, поэтому я теперь вынужден наблюдать чужой успех, который по праву должен быть моим.

— Неправда! — возмутилась я. — Ты изложил идею, а Маневин сказал, что мысль хорошая, но уже давно воплощенная в жизнь — такой бизнес десять лет существует, называется «Парк прогресса».

— И что? — рассердился Игорь. — Я придумал принципиально иную концепцию и другое наименование, хотел основать «Прогресс-парк». Там должно быть сорок зданий, посвященных разным наукам, а у того, кто мою мысль похитил, их тридцать девять.

Геннадий рассмеялся.

— Ничего смешного не вижу! — рассвирепел Гарик. — Посмотрите, что я решил выпускать... Опля!

Он развернул пакет и вытащил белую кружку.

Феликс прочел надпись на ней:

— «Козел. 22.12—19.01». Разве есть такой знак зодиака — Козел? И почему к ручке чашки цепочка приделана?

— Полагаю, речь идет о Козероге, — еле сдерживая смех, пояснил Погодин. — Я не увлекаюсь астрологией, но мой день рождения двадцать девятого декабря, поэтому я в курсе. Ваша идея состоит в том, чтобы выпускать прикольные кружки со смешными надписями? На рынке много подобных предложений, конкуренция очень велика, сливки с этого бизнеса сняли те, кто первым его начал, сейчас уже поздно на большую прибыль рассчитывать.

— Я сделал десять штук на пробу, — продолжал Игорь. — Вы ошибаетесь, никакого животного козлорога нет. А есть знак зодиака — козел.

Я потупилась. Вот еще одна отличительная черта характера горе-изобретателя — Гарик ни за какие пряники не признается, что не прав. Нет, все кругом дураки, один он умница. Вся рота шагает не в ногу, только он правильно.

— По моим абсолютно верным расчетам, чашки с такой символикой будут наиболее популярными, — тараторил «астролог». — Но вы на дно гляньте!

Гена взял в руку кружку и перевернул ее.

— Тут пробка! Похожа на ту, какими раньше затыкали сливные отверстия в ванне.

— А ты молодец, — похвалил его Гарик, нахально отбросив вежливое «вы», — уловил самую суть. Демонстрирую... Опля!

Игорь дернул за цепочку, которая прикреплялась к ручке, и затычка выскочила.

— Что мы имеем теперь? — спросил он.

— Дырку, — ответила я.

— Гениально, правда? — восхитился Игорь.

— Прости, но я пока не понял идею, — осторожно произнес мой муж.

— Люди наглые, — принялся объяснять свою задумку Гарик, — только выйдешь из офиса, как кто-нибудь твою чашку схватит и пьет из нее. Это тебе нравится?

— Не очень, — сказал Геннадий. — Можно болезнь подцепить, скажем, стоматит.

— Это еще цветочки, — ажитировался Игорь, — полно смертельных инфекций. Например, аппендицит...

— Воспаление отростка слепой кишки через посуду не передается, — возразил Феликс.

— Грипп, — словно не слыша его, вещал Гарик, — ВИЧ, туберкулез, косоглазие...